

12 06 2015 Пятница

Арка в мир искусств

Он был старшим в том поколении актеров, с которыми столкнулась я, начав работать в драме. Светлая память тем, кого сегодня уже нет с нами, и кто тогда рассказывал о своем коллеге. Но сегодня в первую очередь - о нем, незабвенном Аркадии Аркадьевиче, которому бы исполнилось 100 лет.

Большинство поклонников считало его исключительно принадлежностью томской сцены. Но за спиной Аркина были и годы работы на Украине, в свое время он отдал дань служению в оперетте. Войну прошел артистом фронтового театра. И в Томск прибыл в 1956 году. Коллеги его сразу определили в социальные герои. И были в полном изумлении, когда увидели приказ о назначении Аркина на роль Щукаря в «Поднятой целине». Тем более что в труппе был комик с соответствующей внешностью. Но Аркин сыграл так, что всех убедил и покори́л. Еще одна блистательная роль — в спектакле «Шельменко-денщик».

Отличных работ было много, и невозможно было определить его амплуа: Аркин ярко проявлял себя и в комедии, и в трагедии. Но самой любимой и самой удавшейся была роль Агабо Богверадзе в спектакле «Пока арба не перевернулась».

- В знак признательности я привез тогда ему из Грузии настоящую сванскую шапочку, — вспоминал заведующий музыкальной частью театра Сергей Александрович Королев. — Его герой был теплым, мудрым. Аркин был очень музыкален: не делая грубого акцента, он точно улавливал мелодику грузинской речи, что придавало роли особую тонкость...

Какое счастье, что, придя в театр, я сразу начала расспрашивать представителей старшего поколения, которых с нами уже нет, о спектаклях, об артистах и театральных историях. Народной артистке РСФСР Тамаре Павловне Лебедевой много приходилось партнерствовать с Аркиным.

«Много лет мы играем с Аркадием Аркадьевичем в одних спектаклях. Работаем дружно, но придирчиво, — уточняла она. — Говорим друг другу правду, что не всегда просто. Аркадий Аркадьевич, кстати, умеет так сделать замечание или дать совет, что наши молодые коллеги — а молодость самолюбива — принимают их без обид. В первый период работы над ролью он дотошен, въедлив даже, стремится все проанализировать, понять до конца. А потом вступает импровизационный дар, умение точно раскрыть психологию, создать характер действующего лица, легкость, юмор».

В одной пьесе у Тамары Павловны и Аркадия Аркадьевича был диалог на 25 минут. И они вели его при полной тишине зала. Для обоих это был предмет профессиональной гордости. «Удовольствие получали колоссальное, — говорил мне Аркин. — О том, что можем надоесть зрителям, не возникало даже и мысли. Мы чувствовали, что следят не за словами, а за тем, как произносим эти слова, как и что думаем, произнося их, — потом пожал плечами и рассмеялся: — А весь спектакль, говорят, был ужасный. Вот так...»

До сих пор речь шла о спектаклях, которые мне видеть не довелось. А теперь — о том, чему была свидетелем сама.

Сол Бозо, герой пьесы Джона Патрика «О, Памела!» появлялся на сцене, преследуемый полицией, замотанный в сорванное с веревок белье - было понятно, что мчался по чердакам. Сочетание безусловного обаяния героя и его нравственной неразборчивости, зловещая перспектива намерений — все это задает актеру весьма сложные задачи. Чтобы оправдать такие разнообразные и даже взаимоисключающие качества, нужен был мастерский ход. Аркин нашел его. Несмотря на преклонный возраст и благородную седину, Сол Бозо вел себя как десятилетний озорник. Он строил замки на песке, не сознавая суровой реальности. Он был капризен и непоседлив. Он увлекался людьми и идеями, как новыми игрушками. Его устойчивая неудачливость успокаивала нас в самые драматические моменты: нет, у такого жулика все равно ничего не получится.

Возникает естественное желание подробно рассказывать об очень многих актерских работах. Но формат газетной статьи не дает такой возможности.

Старшее поколение театралов до сих пор вспоминают спектакль «Ретро» по пьесе Александра Галина в постановке Феликса Григорьяна. Кроме хорошей драматургии, животрепещущей темы, раскрытой яркими выразительными театральными средствами, главное достоинство спектакля было в актерах. Известный томский рецензент Борис

Бережков так и назвал свою статью — «Великолепный квартет». Рядом с Аркиным были блистательные Людмила Долматова, Тамара Лебедева, Ася Ратомская. Критики скупы на хвалебные слова, но рецензии и отклики на этот спектакль, где бы ни играли его томищи, всегда были полны эпитетов в превосходных степенях.

Через много лет, когда спектакль уже сошел со сцены, Аркадий Аркадьевич говорил, что ему кажется, что он все помнит и готов был играть его снова. Настолько хорошо они с режиссером проработали роль.

Одной из любимых работ Аркина был «Милый лжец». Пьеса Джерома Килти создана на основе переписки двух великих людей — писателя-драматурга Бернарда Шоу и актрисы Патрик Кемпбел, роль которой играла народная артистка РСФСР Людмила Долматова. Это был один из первых спектаклей, поставленных на малой сцене.

Вообще-то тогда это место называли просто большим репетиционным залом. Чудная пьеса, негромкий спектакль рассчитаны были на тех, «кто понимает». Но среди театралов это был успех, который дорогого стоил. И роль Шоу, и роль грузинского крестьянина Агабо — из тех, что оставили след в душе самого актера: «Я до сих пор часто думаю о них, они для меня живые», — говорил он уже в конце своей творческой жизни.

Свое восьмидесятилетие Аркадий Аркадьевич встретил вместе со своим героем — Норманном Сейером-младшим из замечательной пьесы Эрнста Томпсона «На Золотом озере». Они снова работали в партнерстве с Людмилой Долматовой, и снова заставляли сжиматься зрительские сердца от любви к чудным старикам, достойно встречавшим финал жизни.

Но, восхищаясь персонажами, созданными актером, удивляясь перипетиям их жизненных путей, все же надо признать, что жизнь, прожитая самим исполнителем, зачастую причудливее, масштабнее судеб его героев.

* * *

Безусловно, что именно собой он укрупнял, расцветивал выдуманные биографии. Сквозь любую роль, от нелепого и смешного деда Щукаря до парадоксалиста Бернарда Шоу, всегда мерцала назаурядная личность Актера.

Жизнь создает личность? Нет, сначала ее создают родители и целый сонм предков, вкладывающих в детей свои характеры, свои таланты, свои слабости и недостатки. А уж потом человека начинает остругивать социальная среда.

Начало биографии было скромным.

«Родился я 7 июня 1915 года в г. Кременчуге, и был у родителей младшим из трех сыновей, — вспоминал артист. — Когда мне было четыре года, семья переехала в Харьков, где у нас было много родственников. Отец, сколько помню, работал все время на табачной фабрике, был и кладовщиком, и начальником цеха. Мать занималась домашним хозяйством».

Но все трое сыновей выросли в крупных, ярких творческих личностей. Брат Семен стал концертмейстером симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета. В войну этот оркестр выступал в воинских частях, перед населением и в блокадном Ленинграде участвовал в первом исполнении Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Другой брат — Исидор — стал дирижером. Работал в филармоническом симфоническом оркестре у Гаука, затем был главным дирижером в Казанском оперном театре, дирижером симфонического оркестра в Иваново-Вознесенске.

Пятнадцатилетним подростком Аркадий поступил учеником слесаря на Харьковский электромеханический завод. На заводе был самодеятельный театр рабочей молодежи (ТРАМ).

Аркин не просто увлекся театром, его успехи были столь заметны, что через два года по решению завкома он получил направление в театральный институт. «Я получал стипендию и подрабатывал на погрузках в порту и на товарной станции. Стал выступать на эстраде, читал юмористические рассказы. Было три праздника, которые приносили нам, студентам театрального института, много концертов, — Новый год, 1 Мая и 7 Ноября. Это было наше жнивье. Потом прошел по конкурсу в радиокомитете на диктора».

В 1938 году Аркина призвали в армию и направили в Уссурийск, где был красноармейский театр. Демобилизовавшись, он вернулся в Киев и поступил в Киевский театр Красной Армии. Первая роль — Федор Таланов в спектакле по пьесе Леонида Леонова «Нашествие».

Война застала театр на границе, под Львовом, во время гастрольной поездки по воинским частям округа. В полвторого ночи 22 июня группа уехала из части, а в четыре утра там уже не осталось камня на камне. Аркин рассказывал, что сначала решили: ну, кому в такой беде до искусства? Но все оказалось иначе. Театр был придан войскам Юго-Западного, а потом Сталинградского фронтов. Играли под бомбежками — на полях, в кузовах поставленных рядом машин, делили с бойцами тяготы военной поры. О трудностях военной поры Аркадий Аркадьевич вспоминать не любил. Зато с удовольствием излагал эпизод, когда испытал на себе народный гнев. «...В Харькове мы выпустили новый спектакль. По сюжету место действия — Германия, какой-то институт с фашиствующими студентами. Играем. Я в штатском костюме, со свастикой на рукаве. Вдруг налет немецких бомбардировщиков. Все зрители и актеры выбегают из ДК и направляются в бомбоубежище. Кто-то зажег свет, и вдруг увидели меня с этой повязкой. А тогда немцы забрасывали в тыл людей, которые пускали ракеты, сигнализируя немецким бомбардировщикам, куда сбрасывать бомбы. Короче, схватили меня: «Немца поймали!». Если бы не оказавшиеся близко офицеры из ДК, меня бы разорвали. Я перепугался! Кое-как успокоили людей, объяснив, что я актер. Да, гнев у народа был настоящий...».

А еще мы узнали, что любовь свою Аркадий Аркадьевич встретил в станице Вёшенской, на родине Михаила Шолохова, где фронтовой театр выпустил спектакль «Партизаны в степях Украины». «Она ростика была небольшого, худенькая и такая удивительная! Тогда начался наш роман...» Потом был Сталинград, откуда нас отозвали в Воронеж. Ехали в товарных вагонах. Был жуткий холод, но нам с Женечкой под одной шинелью было тепло. Всю зиму работали в Воронеже. Выступали в частях, госпиталях...». После войны работали в Харькове, Севастополе. У них подрастала Машенька, а условия жизни были ужасные. Не выдержав, уехали в Москву, на актерскую биржу. Там предложили Томск. Подумали - и решили-таки махнуть в Сибирь. Аркин с Томском быстро «совпали». Его врожденная интеллигентность, начитанность, любознательность оказались впору городу науки.

* * *

Они с женой редко расставались. Когда в семидесятых Евгения Ивановна ушла со сцены, Аркин часто отправлял жену на родную Украину и писал ей великое множество писем. В них мало было сведений о себе. Кратко сообщал о худсовете, о репетициях, о погоде, о гастролях, но зато много писал о любви: «Моя дорогая, любимая, нежная девочка. Я очень часто вспоминаю всю мою жизнь с тобою, твою нежность, внимание, которые часто не заслуживал. Я тебя очень люблю! Ближе, чем ты, у меня никого нет! Я с радостью и нетерпением жду встречи с тобой! Лапонька, не нужно ничего присылать, нечего тебе ходить на почту с посылками, утруждать себя. Обнимаю тебя, моя родненькая...». Искренность этих нежных слов Аркадий Аркадьевич подтвердил жизнью, особенно когда три с половиной года почти бесшумно ухаживал за лежащей женой. Кроме него, она, больная, никого не узнавала. А когда Аркин убаюкивал ее, целовала ему руки...

- У родителей была какая-то, может быть, не очень осознанная ими система моего воспитания. - рассказывала Мария Аркадьевна Аркина. - Главным был папа. С ним всегда было интересно. Помню, он рассказывал мне про искривление пространства, я не понимала, а он удивлялся: это же так просто. Когда я стала учиться, а потом работать, его интересовало, чем я занимаюсь. Требовал все объяснять. Он дружил с моими друзьями-медиками, биологами, ботаниками. Все подруги были в него влюблены. Он умел разговаривать с женщинами. Как-то ехали в автобусе, он был уже пожилым человеком, и зашла какая-то престарелая дама, он тут же уступил место. «Старухе уступаете?» - сказала она чуть обиженно. «Нет, женщине».

В свое время, несмотря на увлечение искусством, он интересовался естественными науками — астрономией, астрофизикой, вообще новейшими достижениями в науке. «И хотя этого, наверное, никто не может точно сказать, но я стремлюсь понять, как устроен мир...» Увлечение научными знаниями было серьезным. Если бы не театр, наверное, Аркадий Аркадьевич мог бы стать крупным ученым. На всех шахматных турнирах он всегда, кстати, играл на первой доске, был превосходным преферансистом, что, как известно, требует особого, аналитического склада мышления...

Аркадий Аркадьевич постоянно избирался в какие-то серьезные общественные

организации — много лет был заместителем председателя правления Томского отделения Всесоюзного театрального общества. Оставался бессменным членом художественного совета. Был одним из создателей и руководителей клуба творческой интеллигенции в Доме ученых. В руководящие органы его избирали за твердый характер, принципиальность и умение отстаивать интересы театра в целом и каждого актера в отдельности.

Скажу еще, что за многие годы работы в театре не встречала актера, который бы так открыто и аргументированно отстаивал свои позиции. Если был недоволен пьесой, спектаклем, работой режиссера, актера, администратора — да мало ли чем, немедленно сообщал — и публично. Наживал недоброжелателей, не без того, но в честных схватках.

Когда в начале перестройки театры утратили художественные советы, все восприняли это как свободу. Только Аркин посетовал: спектакли надо обсуждать, привлекая широкий круг заинтересованных людей... Теперь понимаю, в его словах было много верного. Он всегда внимательно следил за происходящим в стране. Когда уже в преклонные годы волновался, горячился, хватался за сердце, хотелось сказать: «Поберегите себя, не мучайтесь от этого бедлама!». Да где там, это было бесполезно. В Аркине соединились установка его поколения «кто, если не мы?» с актерской жадностью до впечатлений и ощущений. Всякая боль, переживание переплавлялись в его душе и «шли в дело». И этот масштаб личности мы ощущали в его героях.

В посвященном ему стихотворении Александра Казанцева были такие строки:

Аркин — арка в мир искусств,
Редок, ценен, словно радий,
Очень много светлых чувств
Вызывает наш Аркадий...

Мария СМЕРНОВА,
завлит театра драмы.